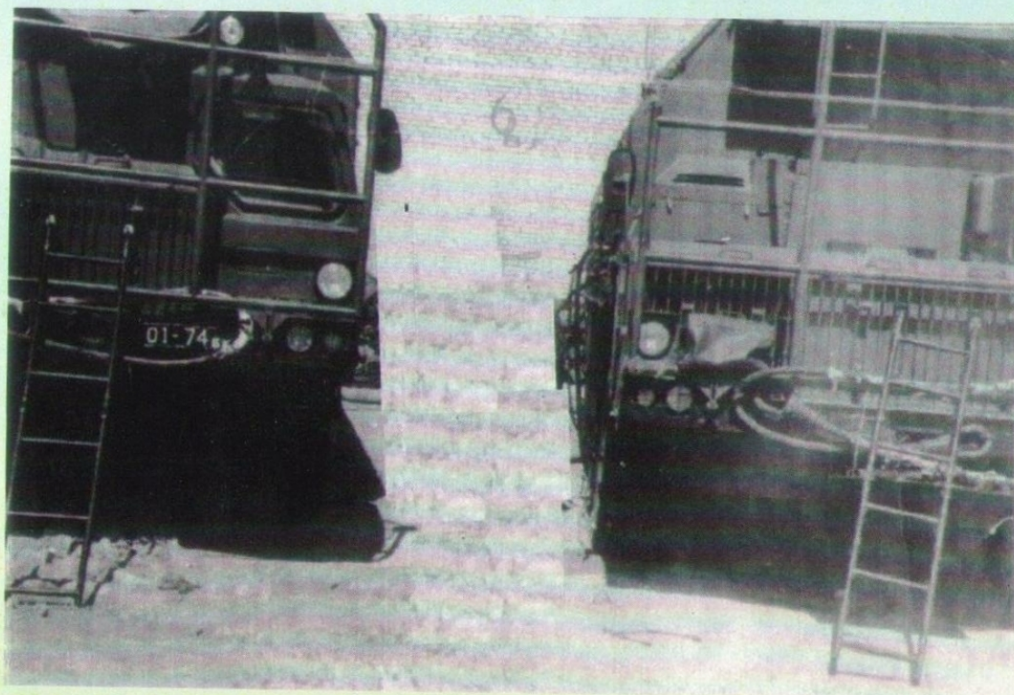

В.В. ВАСЕЦКИЙ

РАССКАЗ О «ПУРГЕ»

ВЫЕЗДНОМ ИЗМЕРИТЕЛЬНОМ ПУНКТЕ

16+

Виктор Васецкий

**Рассказ о «Пурге» – выездном
измерительном пункте**

«Автор»

2020

Васецкий В. В.

Рассказ о «Пурге» – выездном измерительном пункте /
В. В. Васецкий — «Автор», 2020

Это история о людях, причастных к формированию стратегического ракетного щита Советского Союза, об их службе и судьбах. Книга адресована всем тем, кому небезразлична обороноспособность России. Все персонажи вымышлены, но у них есть прообразы.

© Васецкий В. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Начало моей службы на Байконуре	5
Площадка 2А.	6
Создание «Пурги» – выездного измерительного пункта.	7
Начало моей службы на «Пурге» – выездном измерительном пункте.	8
Измерительная техника «Пурги».	10
Первый выезд на испытательную работу.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Начало моей службы на Байконуре

Быстро пролетели 5 лет учебы в Харьковском военном училище. Отзвучал торжественный марш, прошёл выпускной вечер. Получил назначение. Старший инженер системы Спектр-Б1. Город Ленинск Кзыл-Ординской области (друзья подсказали, что это космодром Байконур). Казахстан. Войсковая часть номер... В одном предписании 11284, в другом – назначен на должность старшего инженера системы войсковой части 30084. Проездные документы выписали до станции Тюратам Кзыл-Ординской области. Сразу встал вопрос: «Почему два номера и как туда добираться?» Это потом я узнал, что город Ленинск и войсковая часть 11284 – это и есть космодром Байконур, а 30084 – это войсковая часть внутри космодрома, куда я направлен служить. Ну а пока ищем на карте город Ленинск и станцию Тюратам. Собрал все сплетни, выяснил, что в Ленинске есть аэропорт. Он называется Крайний, но взять билеты на самолет туда заранее нельзя. Самолёт летает из Внуково один раз в неделю. Билеты продаются только там. Простым смертным их приобрести можно только после предъявления предписания или командировочного удостоверения – если останутся эти самые билеты, но, возможно, и не останутся. А на поезде трястись от Москвы до этой самой станции Тюратам надо больше двух суток. Сам бы попробовал, но на четвертом курсе я успел жениться. Родилась дочка, которой как раз исполнилось полгода. С маленьким ребёнком двое суток ехать в поезде весьма проблематично. Ведь ещё и неизвестно, как встретят на новом месте. Помогла как всегда армейская смекалка. Раз Кзыл-Ординская область, значит, надо лететь в областной центр – город Кзыл-Орду. Теперь этот город в Казахстане называется Кызыл Орда. Оттуда с Божьей помощью доберемся и поездом. Слава Богу, в те времена в Кзыл-Орду летал самолет из Минеральных Вод, билеты на который продавались свободно. Прилетели в Кзыл-Орду поздно вечером. Легко взяли билеты до станции Тюратам на поезд (благо, ехать всего одну ночь). Утром проснулись. Посмотрели в окно и слегка ошалели. За окном был натуральный марсианский пейзаж. Бескрайняя желто-коричневая степь – и рядом с железной дорогой огромные полусферические антенны. Потом я узнал, что это антенны измерительной системы Сатурн. Однако вначале показалось, что это техника пришельцев. Ещё полчаса езды, и поезд прибыл на станцию Тюратам. К счастью, здесь нас встречали. Неизвестный военный посадил нас в автобус и повёз в город. Проехали через проходную, на которой контролёры проверили документы. За проходной, собственно, и находился город Ленинск, он же центр космодрома Байконур. Автобус довёз нас до главной площади города, где находились штаб космодрома, центральный универмаг городка и вполне приличная гостиница. Первую ночь переночевали в гостинице, а уже на следующий день получили двухкомнатную квартиру в только что построенном доме. В первый же день дочке стало плохо от жары – пришлось сразу купить кондиционер. Дальше были занятия с молодыми офицерами, прибывшими для дальнейшего прохождения службы. Наверное, как всегда, посоветовали забыть всё, что мы проходили в училище. Слава Богу, я не стал торопиться это делать. На занятиях в основном изучали уставы и занимались осточертевшей ещё в училище строевой подготовкой. Самой смешной была лекция о порядке получения, хранения и использования ядовитых технических жидкостей и спирта. Из лекции можно было понять, что спирт – это ядовитая техническая жидкость. Я до сих пор его так называю, а водка – это 40-процентный раствор ядовитой технической жидкости. Именно тогда в моём лексиконе появилась фраза: «Давайте выпьем яда». Кроме всего прочего, выяснилось, что непосредственно на службу придётся ездить поездом, в просторечье называемым мотовозом, хотя на самом деле такой поезд состоял из весьма комфортабельных купейных вагонов, оснащенных кондиционерами, что в условиях казахстанской жары совсем не являлось лишним.

Площадка 2А.

Непосредственно на место службы удалось попасть только через месяц. Находилось оно примерно в часе езды на поезде от города, называлось площадка 2А и представляло собой два весьма приличных размеров цеха, в одном из которых собирали габаритно-весовые макеты атомных бомб, попросту ГВМ, в которые вместо атомных зарядов вставлялась телеметрическая аппаратура, а в другом устанавливали эти ГВМ на головные части настоящих боевых ракет, которые изготавливали в то время в Днепропетровске. Это было очень мощное и грозное оружие. Боевые ракеты такого типа американцы называли Сатана. Специально для испытаний из Днепропетровска их переправляли на Байконур. Эти ракеты после установки на них габаритно-весовых макетов запускались на Камчатку с испытательными целями. Занимались сборкой ГВМ и установкой их на головные части ракет исключительно офицеры и прапорщики.

Служившие в этой части солдаты срочной службы только по ночам несли караул по охране этой площадки.

На рабочие места по подготовке ГВМ они не допускались. Система Спектр, на которую я попал служить, предназначалась для проверки правильности сборки телеметрической аппаратуры в таких габаритно-весовых макетах бомб и телеметрической аппаратуры во всей головной части экспериментальной ракеты. Она представляла собой несколько не особо отличавшихся эргономичностью аппаратных стоек с расположенными на них примерно двумя сотнями кнопок управления, четыре графопостроителя в еще двух аппаратных стойках, а также необходимые для работы всей системы устройства записи и воспроизведения данных с магнитной ленты. Все это было оснащено своими кнопочными системами управления, а также контроля при помощи установленных в стойках осциллографов.

При этом любая неправильно нажатая кнопка системы управления этой аппаратурой в процессе испытаний и проверки ГВМ могла свести на нет всю работу сборочной бригады за целый день, а то и за несколько дней. В частности, с этой аппаратурой справлялся только один человек – мой новый начальник. Но и ему иногда на помощь приходили офицеры управления. Тут надо пояснить, что организационно космодром Байконур состоял из испытательных управлений и подчиненных им войсковых частей. Офицеры управлений, как правило, занимались наукой, вопросами идеологии и теории применения ракетной техники. Офицеры и весь личный состав войсковых частей занимались технологией. Только хорошо освоившие технологию и постигшие азы теории офицеры частей переводились для дальнейшего прохождения службы в управления. Мой первый начальник на космодроме к моменту моего прихода в часть для дальнейшего прохождения службы как раз полностью освоил технологию эксплуатации и применения закрепленной за ним техники, изучил теорию по ее использованию при проведении многочисленных различных видов испытаний ракетной техники и приготовился перевестись для дальнейшего прохождения службы во 2 управление Космодрома, которому эта часть была подчинена, и это должно было случиться вот-вот. Я должен был в ближайшей перспективе стать ему в этой части заменой. В общем, служба на этой площадке была раем. Тяжелые условия климата на Байконуре полностью компенсировались интересной работой и перспективой продвижения по службе. Однако рай не может быть вечным. И даже долговременным.

Создание «Пурги» – выездного измерительного пункта.

В середине ноября меня и ещё двоих офицеров нашей части, Юру Чернова и Володю Карпова, только что закончивших военное училище и вместе со мной попавших служить в эту часть, вызвал к себе начальник 2-го управления, в которое она входила, иными словами, наш прямой начальник. Офицеры постарше сразу сказали: будут предлагать куда-то перевестись, не соглашайтесь. Вы назначены сюда приказом Министра обороны и в течение года должны осваивать свои воинские специальности, поэтому вас не должны никуда переводить, если, конечно, сами не согласитесь. Когда мы прибыли к начальнику управления, тот посмотрел на нас, похвалил за успешное начало освоения наших новых военных специальностей, после чего сказал, что сформирована новая часть – Выездной измерительный пункт, и есть мнение перевести нас туда служить. Мы дружно сказали нет. Тогда начальник управления полковник Ковальчук предложил нам доехать вместе с ним до города на его машине. Мы сдуру вышли и сели в «Волгу», наверное, по своему недоумию подумав, что это такси. Да нет, это была персональная машина начальника управления. Машина поехала в сторону города, но на полпути свернула на одном из перекрестков и заехала на неизвестную нам площадку. Подъехала к полуразваленному зданию, остановилась. Начальник управления вышел из машины. Мы тоже вышли. Он предложил нам вместе с ним войти в это здание. Мы вошли, и тут он сказал: «Посмотрите, вам должно понравиться». Мы даже пикнуть не успели. Он вышел и снова сел в машину, «Волга» уехала. Внутри первого этажа этого здания были выбиты все окна. В одной из комнат горел костер. Возле костра стояли два солдата и здоровенный капитан среднеазиатской внешности. Капитану на вид было лет 35, он посмотрел на нас и сказал: «Ну и дураки же вы, что согласились. Понятно я, мне майора получать надо, а вам-то для чего?» Но «Волга» все-таки уже уехала. Я сразу понял позицию и интерес начальника управления. В случае успешного формирования в подчиненном ему соединении новой войсковой части – пусть даже в ранге отдельного батальона, но способного полноценно решать новые для подчиненного ему управления задачи – он вполне мог получить воинское звание генерал-майора. Задачу он успешно решит и генералом все-таки станет. Через пару лет пойдет на повышение и будет командиром всех частей РВСН Космодрома, а это два управления на Полигоне – второе и восьмое. Должность генеральская. Сам космодром в то время уже находился в подчинении главного управления космических средств – ГУКОС. Но два управления так и остались принадлежать Ракетным Войскам Стратегического Назначения. В город мы вернулись вместе со своим новым знакомым капитаном уже поздно вечером, поездом.

На следующий день я приехал в свою часть. Слышу, все офицеры хихикают: зачем же вы, идиоты, согласились? Я говорю: да не соглашались мы. А в ответ: как же не согласились, если начальник управления сегодня лично приехал к нам на развод и объявил всему собравшемуся личному составу, что все трое согласны на перевод в новую часть? Добровольно. Без принуждения. Начальник управления врать не может. Но, оказывается, большие начальники тоже иногда врут.

Начало моей службы на «Пурге» – выездном измерительном пункте.

Так я попал, служить в новую часть – на вновь созданный выездной измерительный пункт, который при его формировании называли «Пурга». Тут сразу стоит объяснить, что такое выездной измерительный пункт. Дело в том, что на дворе был конец 1982 года. Только что 10 ноября умер Брежнев. А ведь только он один умел в то время договариваться с американским супостатом о сокращении стратегических вооружений. Супостат после его смерти разбаловался, стал капризничать и пугать нашу страну своими баллистическими ракетами. Успокоить его можно было, только показав, что у нас ракеты тоже есть. Стратегические ракеты. Они стоят на боевом дежурстве и в любой момент могут к этому самому супостату прилететь. И надо было все это ему, супостату, показать. Показать убедительно.

Отсель грозить мы будем супостату!

А если позапускать немного эти самые наши баллистические ракеты непосредственно из боевых ракетных частей (пускай не в Америку, а на Камчатку), но зато не с полигона, а непосредственно из войск, где они несут боевое дежурство. И пусть американские генералы посмотрят фотографии со своих спутников и увидят, что если сегодня эти ракеты летят на Камчатку и прекрасно по ней попадают, то завтра они вполне могут прилететь и к ним. Надо отдать должное этим самым американцам и их генералам – все наши запуски баллистических ракет они из космоса прекрасно видели. И прекрасно понимали: случись что, полетят эти ракеты, но уже не в учебном, а в боевом снаряжении. И не по учебной испытательной траектории, как это делается сейчас, а непосредственно к ним. Однако даже с учебной и демонстрационной целью запускать баллистические ракеты без чёткого и объективного контроля за их полетом – удовольствие достаточно дорогое. Супостат-супостатом, а самим посмотреть тоже интересно.

Хорошо, если такое изделие (а в полигонных частях ракетных войск стратегического назначения ракету было принято называть изделием) полетит как надо и туда, куда надо, а если нет? Тогда необходимо определить траекторию, по которой она летела, и что с ней случилось. Для того чтобы устранить проблему, надо знать причину произошедшего, нужны траекторные и телеметрические измерения. А в частях РВСН, которые несут боевое дежурство, нет технических средств для таких измерений... Приемные станции телеметрической информации и станции наблюдения за траекторией ракеты, расположенные на измерительных пунктах космодрома, увидят ракету только тогда, когда она поднимется достаточно высоко. Самая интересная информация – о старте ракеты и ее выходе из шахты, а также о начальном участке работы первой ступени ракеты – им недоступна в силу удалённости этих приемных станций. Если же возить каждую ракету для запуска на космодром, тогда теряется весь смысл показа супостату их готовности. А что если снабдить такие ракеты вместо бомб или учебных болванок контейнерами с аппаратурой передачи телеметрической информации, как это делается на космодроме, прямо на месте, в боевых частях, а средства приема и первичной обработки этой информации к месту запуска привезти, например, с космодрома?

Такая задача была решена путем создания выездного измерительного пункта, новой отдельной войсковой части, которую называли «Пурга» и куда я попал служить волею начальника 2-го управления космодрома Байконур полковника Ковальчука. Само название части было почему-то засекречено. Даже мы, офицеры, которые служили в этой части, могли прочитать это название только в секретном отделе. Простые смертные должны были называть эту самую «Пургу» войсковая часть 49505. Итак, вместе со мной в эту часть, на эту самую «Пургу», волей начальника управления без особого желания попали ещё трое таких же, как и я, выпускников 1982 года. Остальные были постарше и перешли служить в эту часть добровольно. Так,

командиром части стал подполковник лет 40, до этого он был начальником отдела на большом измерительном пункте, его переманили, пообещав интересную работу и самостоятельность в принятии решений. Он был отличным командиром, хотя и не имел даже высшего технического образования, но в том, что он командир от бога, мне пришлось потом не раз убедиться лично. Начальником штаба назначили майора, имевшего большой опыт штабной работы. Он был примерно одного возраста с командиром части. Первым заместителем командира – а на измерительных пунктах эта должность называлась тогда, да наверное, и сейчас называется – заместитель командира части по измерениям, что часто вызывало легкую иронию у молодых офицеров: измерения бывают разными – штангенциркуль тоже средство измерений, был назначен капитан на пять лет старше меня. Очень скоро он получит звание майора. Он оказался толковым, знающим офицером. В дальнейшем нам пришлось много вместе работать, и хотя он был не телеметрист, а специалист по траекторным измерениям, однако во время учебы в военном училище на 3-м радиотехническом факультете ХВВКУ телеметрию в отличие от меня, учившегося в военном училище на системного программиста, изучал и поэтому достаточно быстро вник в особенности приема и обработки используемой при запусках баллистических ракет непосредственно из боевых частей Ракетных Войск Стратегического назначения телеметрической информации, и на его помощь всегда в какой-то степени можно было надеяться, а потому всегда можно было к нему обратиться в трудной или непонятной ситуации, если такая случалась. В очень скором времени он станет майором.

Остальной офицерский состав этой части был собран со всего космодрома. В отличие от нас, молодых лейтенантов, большинство офицеров перевелись в эту часть добровольно. В основном за получением более высокой должности и очередного звания, как тот самый капитан, которого мы встретили сразу после беседы с начальником управления, теперь он был уже с погонами майора. Один старший лейтенант, будучи уже в возрасте, перевёлся для того, чтобы получить капитанское звание, и он его в скором времени получил, хотя втайне надеялся и на майорскую должность. Иначе в 40 лет пришлось бы увольняться. Ещё один старший лейтенант, Борисенко, тоже уже в возрасте, также перевёлся за получением капитанской должности и воинского звания капитан. В молодости он попал в крупную неприятность – уже на Байконуре на личном мотоцикле с коляской сбил местного жителя. Насмерть. Хотя милиция и признала виноватым в ДТП покойника, за невнимательную езду на личном транспорте главнокомандующий РВСН предупредил этого офицера о неполном служебном соответствии. А это очень серьёзное взыскание. Тем более от главнокомандующего видом войск, который находится в Москве, но может снять взыскание только лично. Поэтому такое взыскание очень долго не снимается, а это, как правило, очень серьёзная задержка в получении очередной должности и следующего воинского звания. Но, попав на «Пургу», он наконец-то получил капитанскую должность и теперь надеялся получить звание капитана. Был лейтенант Дорошин, на год старше нас, отличный парень, но ему до этого не особо повезло со службой. После окончания военного училища при Военной Академии он был назначен на старше-лейтенантскую должность. Он прослужил в этой должности год и перевёлся на выездной измерительный пункт на должность капитанскую. Да что ему, он в то время был еще холостой, не то что я, дурак набитый.

Снова приехал на своей «Волге» начальник 2-го управления и представил нам наше новое командование, а командованию представил нас, вновь назначенных офицеров вновь созданного выездного измерительного пункта, получившего наименование «Пурга». Помимо офицерского состава, часть укомплектовали личным составом солдат и сержантов срочной службы переводом их из других частей. Естественно, что командиры подразделений этих частей постарались передать нам далеко не лучшие кадры, но все. Выездной измерительный пункт был создан, личным составом укомплектован.

Измерительная техника «Пурги».

Измерительную технику, собирали со всего космодрома Однако все равно на момент создания части техники в ней было мало. Измерительные станции все были почти мои ровесницы, образцы чудес ламповой техники конца пятидесятих годов. Две мобильные станции измерения траектории «Кама» и три станции приема телеметрической информации БРС-4, мобильный вариант. Все ламповые. И траекторные измерения, и телеметрическая информация должны иметь очень точную привязку по времени. Для этого в нашу часть передали целых три мобильных приемника сигналов единого времени (СЕВ) – станции «Беркут». Они размещались в фургонах на шасси автомобилей ГАЗ-66. Два таких приемника были в хорошем техническом состоянии. Один из них стал использоваться для обеспечения привязки ко времени станций приема телеметрической информации. Второй – для обеспечения привязки ко времени станций измерения траектории. Третий приемник находился в нерабочем состоянии из-за старости. В дальнейшем его спишут, а автомобиль ГАЗ-66 мы будем использовать как автобус. Мобильную систему обработки данных не нашли. Такой системы на тот момент еще не было в природе, хотя наша промышленность уже полным ходом такую систему разрабатывала, как и сделанные на новой элементной базе мобильные станции приема телеметрической информации. В дальнейшем я буду очень сильно удивлён тем, что фургоны этих новых станций, использующих интегральные микросхемы, будут в два с половиной раза больше фургонов ламповых станций БРС-4, обладая практически тем же функционалом. Очень трудно будет понять издержки социалистического производства и особую гениальность наших конструкторов. Однако еще до образования нашей части на нескольких объектах Ракетных Войск стратегического назначения представители промышленности установили стационарные станции приема телеметрической информации ПРА и системы обработки данных Спектр-Б1, которые были размещены в комнатах зданий и сооружений боевых ракетных частей. Однако стояли они там без присмотра. За них практически никто не отвечал, пока не была образована наша часть. Сразу после её образования и проведения первых работ всю эту технику, установленную на объектах боевых ракетных дивизий, закрепят за мной. Сколько потом эта техника вымотает мне нервов!

Первый выезд на испытательную работу.

Но вот и все: приказом Главнокомандующего Ракетными Войсками стратегического назначения на ноябрь – декабрь 1982 года были назначены учения РВСН под Саратовом с запуском на последнем этапе этих учений боевых ракет стратегического назначения. Для подготовки боевой ракеты к учебно-боевому пуску, оснащения ее специальным телеметрическим оборудованием, а также приема и обработки телеметрической и траекторной информации на начальном участке траектории полета предполагалось впервые использовать вновь созданный выездной измерительный пункт «Пурга».

Как уже отмечалось, новая часть была создана, укомплектована личным составом в соответствии со штатным расписанием и специально собранными для неё со всего космодрома техническими средствами.

В конце 1982 года было принято решение о первом использовании её по прямому назначению.

Как всегда бывает, сразу после этого начались чудеса. По крайней мере для меня. Дело в том, что в те времена телеметрическую информацию о состоянии ракеты в полете перед передачей в эфир серьезнейшим образом шифровали с помощью специальной, засекречивающей аппаратуры. Эту практику отменяют только в 1993 году, когда русский царь Горбачёв договорится с американским президентом Рейганом о том, что мы больше не будем секретить телеметрическую информацию, которая передаётся с запускаемых ракет. Скорее всего это было не совсем правильное решение Горбачева, но он царь – ему видней. А пока после приема телеметрической информации уже на земле эту информацию расшифровывали при помощи рассекречивающей аппаратуры. Чтобы согласовать такую аппаратуру с применяемой для обработки информации системой Спектр-Б1, необходима была специальная аппаратная стойка – наземное согласующее устройство, или просто НСУ, которую включали в состав системы Спектр-Б1. Однако те, кто планировал испытательные запуски непосредственно из ракетных дивизий, видно кое-что просто перепутали. В комплекты аппаратуры, установленной на объектах РВСН, спланировали к установке другие, более новые наземные согласующие устройства – АСМ. Это хорошие устройства. Но со старой засекречивающей аппаратурой они не работают. Однако на предполагаемую к запуску ракету для невозможности определения её характеристик вероятным противником по данным телеметрической информации планировалось установить именно старую засекречивающую аппаратуру. Ведь этот тип ракет давно прошел полигонные испытания. Именно эта ракета стояла на вооружении в войсках, и её собирались не испытывать, а просто проверить. Когда её испытывали на полигоне, испытания проводились с использованием старой засекречивающей аппаратуры. Вносить теперь изменения в ее конструкцию для того, чтобы получить возможность использовать новую, было нецелесообразно. Для проверки её технического состояния и характеристик использовалось телеметрическое оборудование старого типа, и нужно было именно НСУ. Поэтому мне было поручено получить такую стойку на складе, проверить её комплектность и исправность, после чего загрузить ее в эшелон, которым будет перевозиться вся техника части к месту проведения пуска ракеты. А по прибытии эшелона на место – организовать ее доставку на объект, где она будет использоваться. Стойку я на складе получил. Комплектность проверил. Но как проверить ее исправность и работоспособность? Выручил мой первый начальник. В комплекте используемой им для проведения работ аппаратуры была такая же стойка, и во время перерыва мы вполне могли поменять их местами для проверки. Однако проверка показала, что стойка неисправна. Выяснилось, почему она стояла на складе. Её неисправность была определена производственным

браком, который даже представители промышленности, приехавшие в своё время для ввода ее в эксплуатацию, не смогли устранить. В эксплуатацию данный экземпляр так и не ввели. Слава Богу, у моего первого начальника был опыт использования такого типа аппаратуры. Поколдовал над ней несколько часов, он нашёл брак. Брак заключался в том, что в свитых жгутах проводов два провода были перепутаны местами. Перемычка между жгутами спасла положение. Согласно всем действующим в то время приказам использовать не введённую в эксплуатацию аппаратуру, а уж тем более отремонтированную еще до введения в эксплуатацию собственными силами, было категорически запрещено. Практически все приказы были нарушены. Но кто в такой момент вспоминает о приказах? Задание командования было выполнено, а перемычка, сделанная красивым проводом розового цвета, очень экзотично выглядела на серых жгутах остальных проводов. Я тогда был еще молодой и дурной и поэтому не представлял, сколько нервов в будущем вымотает из меня эта перемычка. Но на данный момент наземное согласующее устройство было вполне готово к выполнению работ. Нам всем выдали командировочные предписания. Срок командировки был определён в 50 дней. Когда моя супруга узнала об этом, сразу спросила, что ей делать Целых 50 дней одной в Казахстане! На семейном совете решили, что на время моей длительной командировки она поедет к своей матери, в её родной город Кисловодск. Железная дорога от Байконура до Кисловодска проходит через Саратов, поэтому также решили, что до Саратова мы доедем вместе. А дальше я куплю билеты и посажу её с дочкой на поезд от Саратова до Кисловодска.

Сказано – сделано. Доехали до Саратова. Но на дворе стоял 1982 год, билеты в южном направлении было купить очень сложно. Я пошёл в кассу для пассажиров с детьми, затем в воинскую кассу – всё-таки я был военным. Везде сказали, что билетов нет. Но тут ко мне подошёл, довольно помятого вида гражданин и спросил: «Что, лейтенант, билеты нужны? Если поставишь бутылку водки, давай деньги. Через 20 минут принесу». Дал деньги. Гражданин ушел. Я сходил в вокзальный ресторан за водкой. Через 20 минут решил, что он меня просто кинул. Однако через полчаса гражданин вернулся и принёс мне взрослый и детский билеты до Кисловодска. Ребёнка, конечно, можно было провезти бесплатно, но тогда у дочки не было бы своего места. А так всё было отлично. Однако алкоголику для распития нужна была компания, поэтому он предложил мне выпить вместе с ним. Тут меня как чёрт дернул – я согласился и прошел вслед за ним в какую-то довольно обширную кладовую, где стоял стол и на нём два грязных стакана. Он заполнил до половины один. Хотел налить во второй, но меня чёрт уже дернул, и я сказал, что буду пить из горлышка. Он выпил свои полстакана, а я раскрутил бутылку и выпил все остальное. Его возмущение тут же сменилось восторгом. Он сказал слово «могём» и мгновенно удалился. Я пошел в зал ожидания. Отдал жене билеты, посадил ее с дочкой на поезд и пошел искать электричку до военного городка. В 7 утра был уже на месте. Нашел гостиницу и на ее пороге встретил все командование нашей части. Я жутко боялся, что после выпитого от меня может быть перегар, но руководство встретило меня выдохом с таким запахом, что я почувствовал себя идеальным трезвенником. Тут же я был озадачен, пошел в местный автопарк, получил там автобус и в качестве старшего машины повез на переданный нам местной воинской частью объект, предназначенный для проверки устанавливаемого на ракету телеметрического оборудования, прикомандированных на время выполнения работ к нашей части офицеров, прибывших из других частей космодрома. Своих сотрудников нам тогда еще не хватало, но ничего, эта проблема скоро решится. Вообще-то первые работы нам помогали выполнять еще и офицеры управления космодрома, но скоро эта практика закончится.

Как ни странно, но в этом были заинтересованы и они, и мы. Они – потому что наши командировки довольно скоро будут очень частыми и длительными и выезжать каждый раз за полторы тысячи километров только для того, чтобы обучить офицеров нашей части правильно нажимать кнопки, – занятие неблагодарное. Мы – потому что желание иметь над собой няньку-контролёра быстро надоедает. Но сейчас мне предстояло с их помощью расконсервировать

и провести техническое обслуживание на простоявшей больше года без дела наземной телеметрической аппаратуре, в состав которой входили антенный комплекс «Жемчуг», станция приема телеметрической информации ПРА, система декоммутации и отображения телеметрической информации Спектр-Б1. Дополнить систему Спектр-Б1 привезенным с Байконура наземным согласующим устройством НСУ и провести с использованием этой техники объективный контроль правильности сборки радиотелеметрической аппаратуры, установленной на специально привезённую с космодрома испытательную головную часть для боевой ракеты, а затем и проверку всей телеметрической аппаратуры, установленной на ракету. А после запуска этого изделия – оперативно провести обработку телеметрической информации с данными о начале его полета, пусть первый раз с помощью офицеров управления и представителей промышленности. В будущем мне все это необходимо будет делать самому. А уже по окончании этой работы всю находящуюся в этой части наземную телеметрическую технику передадут на ответственное хранение и для дальнейшей эксплуатации мне. Ранее эта техника была закреплена за капитаном из 3-го Управления, который приехал на работу вместе с нами. Узнав, что мы привезли наземное согласующее устройство, он рассмеялся и сказал, что это, пожалуй, лишнее. Я спросил, почему, а он ответил, что весь комплект установленной здесь аппаратуры собирался, когда уже были созданы новые засекречивающий и рассекречивающий приборы. Для согласования с ними в комплект аппаратуры Спектр-Б1 было включено новое устройство – стойка АСМ, аппаратура сопряжения с «Муравьем» – секретящим аппаратом нового типа. Он так же, как и прежний, называется «Муравей», однако с предыдущей моделью имеет мало общего. Функционально у него другая криптографическая схема, он кодирует информацию на порядок сложнее, чем его предшественник. Если предыдущий шифровал её так, что супостат мог ее через пару лет расшифровать, то для расшифровки информации, засекреченной новым аппаратом, понадобятся десятилетия, так как технологически он использует другой синхро-сигнал, более высокой частоты.

В общем, если и раньше вероятный противник не мог ничего узнать о наших ракетах из телеметрической информации, то теперь ему даже думать об этом не стоит. Однако здесь стоят ракеты, которые уже прошли испытания. Для засекречивания информации о них использовался старый прибор, поэтому ставить на эти ракеты новый нецелесообразно. Пошли по другому пути. В наземную стойку, которая работает с новым аппаратом, внесли изменения, позволяющие использовать её со старым. Такая стойка в своём роде уникальная – она единственная, имеющая такую доработку. Когда её устанавливали, проверили только в автономном режиме. Она прошла все тесты. А когда подключили «Муравей», с ним эта стойка работать не стала. Приезжал сюда конструктор этой стойки. Посмотрел. Поколдовал. Впаял в ячейку конденсатор – стойка заработала. Правда, сразу сказал, что он не монтажник. Однозначно видно, что этот конденсатор ставили не на заводе. Ну а у вас станции старые. Не ПРА, а допотопные ламповые БРС-4. Поэтому на всякий случай и дали вам телеграмму, чтобы вы привезли устройство старого типа. С новой приёмно-регистрирующей аппаратурой оно работать не сможет.

Работы по подготовке и проверке телеметрической аппаратуры, установленной на специальную головную часть ракеты, которая должна быть запущена, и телеметрического оборудования, которое устанавливалось непосредственно на ракету, шли по плану. Проводить их помогали представители промышленности. Небольшая заминка всё-таки была, связано это было с изменением структуры всего комплекса приема и обработки информации в связи с включением в него новой аппаратной стойки НСУ, которая хоть и была включена в состав комплекса на всякий случай и необходимости после этого его дополнительного тестирования не было, но береженого бог бережет. Все работы были выполнены в срок. В назначенный день в конце концов объявляется часовая готовность к запуску – получасовая. Затем 5-4-3-2-1. Команда на пуск. Мы прождали полчаса. Приемная станция телеметрическую информацию не увидела. Информация о старте не прошла. Оказалось, что на первой из двух предполагаемых

к запуску ракет не открылась крышка шахты. Вторую ракету запускать до выяснения причин срыва пуска не стали. Причину выяснили на следующий день. В гидropневматической системе, которая должна была перед запуском открыть крышку шахты ракеты, стоял бракованный клапан. Система работала просто: это был цилиндр с вставленным в него поршнем. Перед запуском ракеты в этот цилиндр впрыскивалось немного горючего и немного окислителя ракетного топлива. Они самовоспламенялись. Давление в цилиндре повышалось, поршень поднимался и открывал крышку ракеты. После того как крышка была открыта, давление в цилиндре стравливалось с помощью специального клапана. Всё-таки не зря проводились испытания по запуску ракет непосредственно из войск. Выяснилось, что стравливающий клапан был изготовлен не из того металла, который был указан в проектной документации, и просто прогорел. Крышка шахты ракеты не открылась, и её запуск не состоялся. . . Помимо этого, такие бракованные клапаны стояли практически на всех шахтных пусковых установках этой ракетной дивизии. Так что, случись война, ни одна ракета из этого ракетного соединения РВСН не взлетела бы. Что это было – разгильдяйство или умышленная диверсия, – для нас так и останется загадкой. Но командование ракетной дивизии тут же вызвало промышленников с завода, который изготавливал крышки шахт боевых ракет для срочного их ремонта и замены таких клапанов на качественные во всех пусковых установках этого ракетного соединения. А запланированные пуски ракет перенесли на вторую половину января 1983 года. Срок моей первой командировки увеличился почти на полтора месяца. 25 января эти два изделия всё-таки запустили – одно за другим с перерывом в один час. И обе ракеты точно поразили цели на Камчатке. Телеметрическая информация о старте и начальном участке полёта сначала первой, а потом и второй ракеты была принята как привезенными эшелонами подвижными станциями БРС-4, так и станцией ПРА, которая находилась на уже принятом мною для дальнейшей эксплуатации объекте этой ракетной дивизии и была соединена информационной линией через привезённую нами стойку НСУ с также уже принятой мною для дальнейшей эксплуатации системой Спектр-Б1, которая проводила декоммутацию полученной информации и вывод данных на графики для проведения анализа показаний датчиков, по которым мы провели совместно с представителями Управления объективный репортаж о начале полета сначала первой ракеты, а затем и второй. Старт и первые триста секунд полета по данным полученной нами телеметрической информации для каждого изделия прошли нормально. Начиная со 120 секунды полета параллельно с нами передаваемую ракетами информацию видели, принимали и записывали измерительные пункты космодрома Байконур. Через 2 часа после запуска второй ракеты для обработки были привезены магнитные ленты с записанной, принятой станциями БРС-4 нашей части телеметрической информацией о начале полета обеих ракет. Мы перекодировали эту информацию и записали её на ленту магнитофона 17с06-07. Вывели все необходимые для анализа, полученные по данным телеметрической информации параметры полета ракеты на графики. После чего лента с записью декоммутированной информации и сделанные графики были фельдшьяком самолётом отправлены на Байконур. Первая реальная работа была проведена успешно.

Пока я занимался обработкой информации, личный состав и офицеры части уже занимались погрузкой техники на железнодорожные платформы. Мне в какой-то степени повезло: на погрузочные работы меня не привлекали. Так же, как потом и на разгрузку эшелона, когда он придет на Байконур. А пока мне совместно с представителем управления необходимо было сдать в секретную часть соединения полученные в ней документы. После чего нужно было раскоммутировать всю аппаратуру Спектр-Б1, «Жемчуг» и ПРА, которую мы до следующей работы оставляли на том месте, где они и стояли ранее в одной из частей этого соединения, проверить комнату, где эта аппаратура хранилась.

Затем закрыть, опечатать и сдать эту комнату под охрану представителю той части, в которой мы эту технику оставляли до следующего запуска ракеты. После чего успеть загрузить

в почти сформированный для возвращения техники обратно в часть воинский транспорт уже выполнившую свою первую задачу стойку НСУ и с чистой совестью ехать домой на Байконур.

По прибытии на место службы 12 февраля я узнал, что 15 – 16 марта 1983 года будут проводиться испытания прототипа космического челнока «Буран». Полностью зарегистрировать траекторию спуска этого прототипа средства траекторных измерений космодрома не могут, потому что он будет снижаться намного южнее. При этом оптимальной точкой для проведения траекторных измерений является посёлок Аннау под Ашхабадом. Несмотря на то, что эта работа выполнялась не ракетными войсками Стратегического Назначения, а Главным Управлением Космических средств, Командование ГУКОС обратилось к начальнику нашего управления за помощью. Поэтому буквально через неделю после прибытия из Саратова на Байконур две станции траекторных измерений «Кама» вместе с фургонами «Кедр» и одна станция приема сигналов единого времени «Беркут» были направлены в этот самый посёлок Аннау под Ашхабадом. Это Туркмения. Возвратятся они теперь только в конце первой декады апреля. Для выполнения этой работы были привлечены начальник 1-го отделения, начальник станции «Кама» и начальник станции «Беркут» вместе с закреплёнными за ними личным составом и техникой. С прибывших из-под Саратова платформ сняли только станции БРС-4 и одну машину СЕВ «Беркут». Остальная техника была отправлена в Туркмению с целью выполнения измерений для Главного Управления Космических Средств.

А для личного состава 2-го и 3-го отделений началась повседневная жизнь: обслуживание техники, теоретические и практические занятия.

Наряды... Мне наконец-то удалось провести полное техническое обслуживание злополучной стойки НСУ. Однако ввести ее в эксплуатацию и поставить на гарантию мне так и не удалось. В городе Чернигове, где выпускали такие стойки и куда я позвонил на завод-изготовитель, в службу главного инженера, мне сказали, что у них аппаратура с таким номером не числится, как отправленная для эксплуатации в войсках, и что телеграмму об этом от имени директора завода-изготовителя они отправляют на космодром в службу вооружения. И правда, такая телеграмма пришла. Когда я пришёл в службу вооружения, мне дали прочитать эту телеграмму, после чего разорвали накладную о выдаче этой аппаратуры к нам в часть. Возле записи в журнале регистрации о выдаче этой стойки для дальнейшей эксплуатации поместили, что запись ошибочна, после чего посоветовали забрать эту стойку домой – на запчасти для бытовой техники. И никогда не пытаться использовать ее по назначению. На мой вопрос: «А что же делать с выполнением работ?» – сказали: «Пусть твой командир части об этом думает. Если такая аппаратура действительно нужна, то пусть подает заявку. Если успеем, то на следующий год включим в план. Учитывая твои трудности, сделаем все, что возможно. И тогда через два, ну максимум через три года сможешь получить новую». Когда я стал говорить, что мне такая стойка нужна срочно, передо мной покрутили пальцем у виска. Когда после докладов вначале заместителю командира, а потом и командиру части я увидел такой же жест, понял, что нарушать все правила эксплуатации этой техники мне всё-таки придётся. Ну ничего, поставил я ее на свободное место в боксе автопарка. Пусть ждёт следующую работу. Хочу заметить: подведет она в будущем меня только один раз, но нервы, конечно, помотает. Зато опыт приобрету на всю жизнь – и в эксплуатации этой аппаратуры, и главное – в общении со снабжающими органами. А опыт дорогого стоит. В дальнейшем мне будет абсолютно всё равно, чем именно снабжают военнослужащих такие органы: аппаратурой, автомобильной техникой, продовольственным довольствием или вещевым имуществом. Принципы построения разговоров с ними будут всегда одинаковыми. Главное, ни в коем случае перед ними не заискивать. Это они должны работать для нас, а не мы на них. Конечно, всегда лучше договариваться, но в случае чего, если не удастся договориться, то можно и кулаком по столу стукнуть. И до конца моей службы в армии эти принципы не изменятся.

А пока во второй декаде марта в часть передали из автослужбы космодрома целых восемь новеньких автомобилей Урал-375 для буксировки четырех фургонов станций БРС-4, двух фургонов станций «Кама» и двух фургонов с аппаратурой «Кедр». Обкатку этих автомобилей провели военнослужащие автомобильной роты соседней части под руководством одного из офицеров этого подразделения. Этот офицер будет в дальнейшем прикомандирован к нашему выездному измерительному пункту. Его назначат нештатным начальником автомобильной службы части, и он будет следить за тем, чтобы все автомобили в части были исправны. Все автомашины Урал-375 после обкатки были поставлены в бокс. Так что после возвращения станций «Кама» и «Кедр» из поселка Аннау под Ашхабадом разгрузка воинского транспорта будет производиться исключительно автомобилями нашей части.

Выделенный для нашей части гараж-бокс отделили от боксов соседней части забором из колючей проволоки. Теперь этот бокс приобрёл статус автопарка нашей части. Рядом с этим боксом мы установили достаточно большой фургон. Теперь в этом фургоне будет круглосуточно находиться наряд по нашему автопарку, в составе дежурного и двух дневальных, для его охраны и контроля за порядком выхода всех автомашин нашей части из парка. Порядок охраны техники и её выхода из парка в рейс был определён приказом командира части, во исполнение действующих уставов, наставлений, приказов Министра обороны и Главнокомандующего Ракетными Войсками Стратегического Назначения. 2 апреля возвратился воинский транспорт с измерительной техникой, выполнявшей задачу в интересах, Главного Управления Космических Средств. Разгрузка воинского транспорта производилась уже новыми автомобилями Урал-375. Это был последний случай использования воинского транспорта для перевозки техники части к месту выполнения работ и обратно. В дальнейшем для этих целей будет формироваться отдельный воинский эшелон.

А пока на выполнившей один за одним два приказа о проведении траекторных измерений технике, возвратившейся после выполнения поставленной задачи, необходимо было провести техническое обслуживание и подготовить её к выполнению последующих работ, к чему сразу приступил личный состав первого отделения

В середине мая 2 отделение, отделение телеметрических измерений нашей части, получило своего начальника. На эту должность был назначен капитан Сидоров, служивший ранее на стационарном измерительном пункте. Выполнением следующих работ по приёму телеметрической информации при проведении очередного учебно-боевого пуска стратегической ракеты с места её боевого дежурства будет руководить уже он.

А новые приказы на выполнение работ не заставили себя ждать. На июнь и август 1983 года Главнокомандующим Ракетными Войсками Стратегического Назначения были запланированы маневры с выполнением учебно-боевых пусков стратегических ракет. Сначала в июне – из позиционного района ракетной дивизии, штаб которой был расположен в городе Державинск, Тургайской области Казахстана, а затем в августе – из позиционного района ракетной дивизии, расположенной в Костромской области, штаб которой находился в самом городе Кострома.

При распаде СССР Тургайская область отойдёт Казахстану и находившаяся там, в районе города Державинск дивизия РВСН будет расформирована. Хотя она была вооружена самыми мощными в то время в мире ракетами 15А18М, которые были оснащены для поражения вероятного противника десятью боевыми блоками – бомбами мощностью 400 килотонн в тротиловом эквиваленте каждый. А это значит, что в каждом блоке – а их в одной ракете 10 – содержался заряд, эквивалентный 20 атомным бомбам, взорванным над Хиросимой. Всего получается в одной ракете целых двести Хиросим. В одном ракетном полку таких ракет было 10, получается уже две тысячи Хиросим. Их нес в себе один полк. С учётом того, что в каждой ракетной дивизии, как правило, было 10 ракетных полков, нетрудно посчитать, что такая дивизи-

зия могла запросто организовать целых двадцать тысяч Хиросим. А это конец всего нашего брэнного света, который мог быть устроен только одной ракетной дивизией. Такой ядерный кошмар содержался в её ракетах. Ракеты, которыми была вооружена эта ракетная дивизия, во всём мире было принято называть «Сатана» – по классификации американцев.

Так вот одна из таких ракет должна будет поразить 10-ю учебно-боевыми блоками цели на Камчатке. Хорошо, что учебно-боевые блоки не оснащались настоящими атомными зарядами. В противном случае полуострова Камчатка уже давно бы не было. Всё-таки как здорово, что и мы, и американцы решили такое оружие сокращать. И не дай Бог когда-либо возродиться такому противостоянию, какое было в те годы. Всё-таки планета Земля целее будет.

Начался июнь-месяц.

В этот момент заместитель командира нашей части и я были направлены для проведения рекогносцировки именно туда – в город Державинск, Тургайской области. Областным центром Тургайской области является город Аркалык. До этого города можно было добраться самолётом из Кызыл-Орды, центра области, в которой находился город Ленинск. До Кызыл-Орды необходимо было добираться поездом. Затем перелёт оттуда до Аркалыка, а из Аркалыка снова поездом можно доехать до самого Державинска.

Такая рекогносцировка проводилась перед началом всех работ для определения мест размещения в позиционном районе ракетной дивизии средств измерений нашей части, необходимых для обеспечения контроля начального участка траектории полёта запускаемой с учебными и испытательными целями ракеты. Перед самым началом рекогносцировки выяснилось, что в данной ракетной дивизии к запуску будут готовить сразу две ракеты – основную и запасную. Запускаться будет ракета, которая назначена основной. Однако в назначенное время обе ракеты должны быть полностью подготовлены к учебно-боевому запуску, оснащены телеметрией, проверены. Помощь офицерам, которые будут готовить телеметрическое оборудование ракеты, будут оказывать представители целого ряда промышленных гражданских предприятий. Из Днепропетровска, где делали ракеты, которыми вооружена эта дивизия и которые будут запускаться. Из Харькова, где для этих ракет делали системы управления. Из Ижевска, где изготавливается телеметрическое оборудование. Значительная часть представителей промышленности была уже в Державинске. Остальные должны подъехать к началу подготовки телеметрического оборудования ракеты к запуску. Выездная телеметрическая позиция будет находиться в районе основной ракеты. Однако в готовности в любой момент переместиться в район ракеты запасной. Головные части обеих ракет будут оснащаться телеметрическим оборудованием, которое должно будет пройти автономные и комплексные испытания для каждой из них, потому что в любой момент запасная ракета может быть признана основной, а основная запасной. Кроме того, может поступить приказ на запуск сразу обеих ракет. Учитывая сложность поставленной задачи, для командира нашей части на время выполнения работ авиационной эскадрильей этой ракетной дивизии будет выделен вертолёт. В дальнейшем такая практика при выполнении нами работ станет постоянной. И в каждой дивизии, где будут проводиться работы по подготовке к запуску оснащённых телеметрическим оборудованием ракет, для их обеспечения приказом начальника штаба соединения, в распоряжение командира нашей части, авиационная эскадрилья дивизии будет предоставлять вертолёт. Выделенный вертолёт будет использоваться для контроля и проверки личного состава, а также порядка развертывания техники на выездной телеметрической позиции и на позиции размещения средств траекторных измерений. В целом рекогносцировку проводил заместитель командира. Мне же пришлось ехать вместе с ним исключительно для оказания ему помощи. Только из-за того, что для выездного измерительного пункта мобильного варианта системы первичной обработки телеметрических данных Спектр-Б1 наша промышленность по-прежнему так и не разработала. Поэтому, как и на предыдущей работе, в этой ракетной дивизии, в одном из её сооружений, в отдельном помещении представителями промышленности будет установлен и настроен стационарный вари-

ант такой системы. Мне предстояло выбрать такое сооружение и такое помещение в нём, а также решить вопрос с подготовкой выбранного помещения к размещению в его комнатах этой самой техники-системы Спектр-Б1, которая будет установлена представителями завода-изготовителя, перед началом подготовки к запуску ракеты, для того чтобы сразу после ее запуска в режиме реального времени можно было оценить состояние ракеты во время старта и первых минут полета. Помещение было подобрано. Порядок установки техники определен. Осталось уточнить, каким образом я один смогу одновременно нажимать кнопки сразу на нескольких стойках, установленных по периметру огромной комнаты, менять магнитную ленту на всех магнитофонах, осуществлять кнопочные переключения и одновременно контролировать выполняемые аппаратурой графики. Ведь в штатном расписании не зря числятся начальник, старший инженер, три инженера и операторы. Если на прошлой работе под Саратовом мы выполняли эти действия вместе с тремя офицерами управления, которые хоть и передали мне технику, но в проведении работ участвовали. И справлялись мы с выполнением работы с трудом. Когда я спросил об этом заместителя командира, он сказал, что лично поможет мне. Я сказал, что прошлую работу мы выполняли вчетвером и то было очень сложно, но он только загадочно усмехнулся и сказал: ничего, привыкай работать за себя и за того парня. Когда задачи рекогносцировки были выполнены, мы через Аркалык и Кзыл-Орду вернулись на Байконур. В это время в Ленинске уже начиналась жара. Так как дочка переносила её с трудом, супруга отвезла ее на лето к матери в Кисловодск. Сама осталась там же. Приказа на подготовку измерительной техники к запуску оснащенной телеметрической аппаратурой ракеты из Державинска и транспортировку этой техники к месту выполнения работ для обеспечения этого пуска телеметрическими измерениями долго ждать не пришлось. Через две недели после нашего возвращения началась погрузка техники на платформы специально сформированного для нашей части эшелона. Погрузкой техники первого отделения руководил майор Андреев. Погрузку техники второго отделения организовывал новый начальник этого отделения майор Сидоров. Этим же эшелонам к месту выполнения работ будет доставлен весь личный состав нашей части, кроме меня. Я, как уже побывавший в этой дивизии и знающий обстановку на месте, буду добираться к месту проведения работ обычным поездом, который, как ни странно, идет до места назначения в два, а то и в три раза быстрее, чем воинский эшелон. Соответственно, я приеду раньше и смогу организовать уже на месте встречу офицеров и всего личного состава части, прибывающего эшелонам. Как хорошо, что такая практика в дальнейшем станет постоянной. За все 5 лет службы на выездном ИПе мне ни разу не придется ехать к месту выполнения работ эшелонам. Интересно, что бы я делал в таком эшелоне со своей аллергией на железную дорогу? А сейчас, когда я уже был на месте, на железнодорожную рампу ракетной дивизии, из которой будет осуществляться запуск ракеты, прибыл эшелон с техникой и личным составом к месту выполнения работ по обеспечению начального участка полета этой ракеты телеметрическими измерениями. Началась его разгрузка. Значительная часть офицеров, не задействованных в руководстве разгрузкой, временно разместились в гостинице. После разгрузки эшелона офицеры второго отделения под руководством своего нового начальника майора Сидорова организуют выездную телеметрическую позицию (ВТП), где будут находиться станции приема телеметрической информации и первая станция приема сигналов службы единого времени, обслуживающие их офицеры и личный состав. Относительно недалеко от шахтной пусковой установки ракеты, которая будет запускаться, на безопасном расстоянии.

Техника первого отделения – две станции траекторных измерений «Кама» вместе с фургонами «Кедр» и вторая станция приема сигналов службы единого времени – будут размещены недалеко от узла связи дивизии. В процессе измерений полученная этими станциями траекторная информация по телефонному каналу, через узел связи дивизии, в реальном масштабе времени будет передаваться на вычислительный центр космодрома.

К этому времени в дивизию уже прибыли представители Ижевского Мотозавода для установки системы Спектр-Б1. Они должны были сначала руководить монтажом этой аппаратуры местными военными, а затем настроить её, поставить эту систему на гарантию и передать для эксплуатации мне. Представительницами завода оказались две очаровательные девушки.

Их руководство в Ижевске определило окончанием работ по настройке и сдаче в эксплуатацию ими этого экземпляра системы начало выполнения работ по подготовке телеметрических блоков для данной ракеты. Моя проблема состояла в том, что устанавливаемая система сможет работать только после включения в её состав привезенной мною стойки наземного согласующего устройства. По окончании работ по сборке, настройке и тестированию устанавливаемой аппаратуры эту стойку необходимо будет включить в её состав, систему снова настроить и протестировать. Проблема заключалась в том, что согласующее устройство выпускал другой завод. Ну, даже не это самое страшное. Самые страшным было то, что эту стойку по закону вообще нельзя было эксплуатировать. После чего они передадут весь комплекс аппаратуры мне, хотя во время проведения первой работы за безотказность функционирования всех устройств системы будут отвечать они, как представители завода-изготовителя.

Однако обработку телеметрической информации, полученной приемными станциями БРС-4, обеспечивающими прием телеметрических измерений для подготовки запуска этой ракеты и начала ее полета, я буду проводить уже самостоятельно. Благо, всегда можно будет проконсультироваться у руководителей работ. Подготовка телеметрических блоков для данной ракеты проводилась по полной полигонной программе. Руководили работами офицеры отдела телеметрии 2-го управления Байконура, которые занимались этим и на космодроме. Выполняли работы местные офицеры и прапорщики. В сооружениях дивизии сначала проводились автономные испытания измерительных блоков головной части первой ракеты, затем проводились комплексные испытания. Телеметрическая информация об этих испытаниях, не излучалась в эфир, а передавалась по кабелю на специально установленную рядом с сооружением, где проводились испытания, входящую в состав второго отделения нашей части станцию БРС-4. После этого я обрабатывал все полученные этой станцией данные. Потом всё это повторялось непосредственно на первой пусковой установке, где запись производила уже другая станция БРС-4. Записанную там информацию для обработки в сооружение, где стоял Спектр-Б, привозили автомобилем. Всё, что касалось нас, мы выполнили. Телеметрические блоки были проверены и установлены на головную часть первой ракеты. Головную часть установили на саму ракету, телеметрические блоки проверили ещё раз. Уже непосредственно установленные на изделие, которое принесет их на далёкую Камчатку, где они должны будут поразить те учебные цели, которые им назначены. Мы обработали телеметрическую информацию, подтверждающую готовность этих блоков, всей головной части и самой ракеты к применению по назначению в испытательных целях.

Параллельно с этим готовилась к учебному запуску и следующая ракета. Снова проводились автономные и комплексные испытания. Телеметрические блоки были проверены и установлены на место боевых. Саму головную часть в собранном виде установили на ракету, телеметрические блоки и сама головная часть дублирующего изделия были проверены ещё раз. Теперь и они были готовы поразить свои учебные цели на Камчатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.